

Андрей МАКАРЕВИЧ, певец и композитор:

Известия. — 2002. — 22 окт. — с. 9.

Не надо делать нас жлобами

29 октября в свет выходит новый альбом Андрея МАКАРЕВИЧА, записанный с неким «Оркестром креольского танго». На самом деле оркестр играет не танго, а джаз: это сборная команда джазовых музыкантов Москвы — из оркестра Игоря Бутмана, «Игорь Бойко Бэнда». О том, что все это значит, Андрей Макаревича расспрашивает Алексей МУНИПОВ.

— Почему вы вдруг решили поработать с джазом?

— Просто потому, что я его очень люблю. И я бы не назвал эту пластинку джазовой. Просто в ней соединены два направления, которые раньше, по-моему, никто не соединял: джаз и авторская песня. Оказалось, что это прекрасно срастается. Получилось нечто, с одной стороны, достаточно традиционное, а с другой — довольно необычное. И, главное, запись очень живая. Все-таки с живыми людьми работать куда приятней.

— Ну давайте поговорим о джазе. Вы сами-то какой джаз любите?

— Я люблю разный джаз. Но все-таки больше всего традиционный.

— Старый, черный?

— Скорее черный, чем белый. Я люблю традицию. То есть фри-джаз — это тоже здорово, но душа у меня отдыхает на других звуках.

— Вы не боитесь, что джазовые люди посмотрят косо на ваши эксперименты?

— Да мне плевать, кто как посмотрит. Я это не для зашоренных людей делаю, а для нормальных.

— Этот проект будет единовременным? Записали — разбежались?

— Нет, я как раз думаю, что мы поиграем концерты. Мне пока

все это дико нравится. Я ведь никогда не работал с людьми, играющими такую музыку и на таком уровне. Я тащусь совершенно. В первые моменты просто слова забывал! Мне так хотелось слушать, что и как они играют, что я отвлекался от собственных песен.

— Как происходила работа? Вы им наигрывали песню и они ее тут же растаскивали на части?

— Не тут же. Иногда говорили: «Дайте нам денек, мы покажем, как мы это представляем». Иногда начинали пробовать с ходу. Я, кстати, очень боялся их зашоренности, потому что аполлогеты жанра действительно часто ничего другого слушать и воспринимать просто не хотят. Меня поразило и порадовало то, как легко они вгрызаются в чуждый им материал. И, что особенно важно, как внимательно они слушают текст — прежде всего. И только поняв, о чем все-таки песня, начинали очень осторожно пробовать какие-то краски.

— А где вы набирали музыкантов?

— Да кого где. Кого-то я знал раньше, кого-то услышал в клубе и понял, что это именно то, что нужно. Но то, что это на сегодняшний день лучшие московские люди, — это совершенно точно. Сыгрались они моментально: джазменам не нужно сыгрываться, у них это в крови.

— На самом деле, история знает много подобных примеров. Скажем, Тони Беннетт, великий американский крунер, обоим записываться с джазовыми музыкантами и сейчас говорит, что самая верная публика ждет его именно на джазовых фестивалях.

— И я его понимаю. У меня, конечно, все чуть посложнее, потому что Беннетт все-таки изначально был ближе к этой музыке, а я, конечно, нет. И не могу сказать, что я запел по-джазовому, это было бы преувеличением. Ну, надо вам послушать, так сложно говорить.

— Я вот послушал ту, что выбрана в качестве сингла, — «Тем, кто ушел». Какая же она пессимистичная, боже мой! Какой-то унылый вопль потерянного десятилетия.

— Очень хорошее определение. Так оно и есть.

— Неужели все так плохо, Андрей Вадимович?

— Да это ведь не мое мироощущение. Но поскольку я вижу вокруг себя большое количество таких вот потерянных семидесятников, то вот и написал песню от лица одного из них.

— Хотели их подбодрить?

— Да нет... Как-то проникся сопереживанием, что ли. Хотя к моей жизни все это не имеет ни малейшего отношения. А потом, понимаешь, внутри той полузадушенной жизни, которой мы жили, было очень много хорошего. Не было ни у кого аппаратуры, и все друг другу помогали, одалживали... Никому не приходило в голову просить за это де-

нег. Когда у Севы Гаккеля из «Аквариума» сломалась виолончель, собрались музыканты, сыграли концерт и купили ему новую. Хотел бы я сейчас увидеть такую картину. Вот об этих вещах я жалею.

— Странно слышать это именно от вас.

— Это почему же?

— Ну, ни вас, ни «Машину времени» никак не назвать бесребрениками.

— Напрасно. Напрасно у тебя складывается ощущение о нас, как о каких-то жлобах. Мы достаточно много делаем и не за деньги, просто этого не афишируем. Не буду же я рассказывать на страницах газеты, кому я, скажем, подарил вчера гитару. Это не очень красиво.

— Ваш брат, Алексей Макаревич, сейчас занимается отбором молодых талантов в телешоу «Как стать звездой». Вы не следите за тем, что там происходит?

— Не слежу, нет. Я общался с Севой Новгородцевым летом, когда шли съемки, и он мне много печального рассказывал. Общай уровень людей, которые хотят стать звездами, чудовищно низок. Это происходит по двум причинам. По причине полного отсутствия какой-либо школы и по причине того, что они выросли на том, что сейчас крутят по радио. У них изначально дурные примеры для подражания. Есть такое страшное слово «формат»...

— Но и формат ведь не возникает нигде.

— Формат возникает из желания зарабатывать деньги. Когда радиостанция открывается, ей

нужны средства. Это понятно и естественно. А вот что происходит потом — это уже вопрос субъективный. Каждый для себя устанавливает планку, ниже которой он не опустится, даже если будет нести убытки. У нас в стране эта планка валяется под ногами, а во всем мире находится достаточно высоко.

— Это спорно. Во всем мире преобладают радиостанции формата Тор 40, крутящие только верхние 40 позиций текущего хит-парада. То есть, условно говоря, сплошных Бритни Спирс. Тоже, знаете, не подарок.

— Можно не любить Бритни Спирс, но нельзя отрицать, что это ремесленничество, то есть профессионализм, высочайшего класса. А у нас таким и не пахнет. Вот вам вопрос школы и есть. Нет, я тоже слушаю радио. В машине я слушаю «Маяк 24», где вечером крутят замечательную музыку. Слушаю «Эхо Москвы»,

правда, их стало невозможно слушать из-за чудовищного количества рекламы. Утром — «Серебряный дождь». Чтобы узнать, что происходит на нашей сцене, иногда включаю «Наше радио». К сожалению, формат этой радиостанции равняется вкусу Миши Козырева. И немного расширяться бы ему не мешало.

— В какую сторону?

— (Язычительно.) В сторону ширины.

— Можно подумать, где-то за стенами радиостанций обитает какая-то блистательная, пригодная к вещанию русскоязычная музыка, которую программные директора, стоворившись, не пускают в эфир.

— Да есть она, есть. Есть молодые люди, не вписывающиеся в формат. Вот приехали вчера с Украины какие-то два парня — ну чудесные же! И ладно новички. Вот Алена Свиридова записала замечательный альбом с каве-

рами классических джазовых произведений. И что? Оказалось, что ни в один формат он не попадает. Для «Нашего радио» это слишком мягко, а для «Русского радио» — слишком сложно. Получается замкнутый круг. На «Русском радио» мне объясняют, что ставят такую музыку, потому что народ этого требует, а народ этого требует, потому что его с детства кормят такой музыкой.

— Ну, «Машине времени» на «формат» грех жаловаться.

— «Машину» в равной степени крутят все радиостанции, это правда. Но я не очень понимаю почему. За выслугу лет, что ли? А вот клип на песню «Тем, кто ушел» не взяли на MTV. Говорят, им слишком сложно. Каких-то дебилов растят, ей-богу.

— Как в таком случае обстоят дела с открытием радиостанции «Куб», в которой вы собирались быть программным директором?

— Все. Я ушел из этого проекта. — Оп-па!

— Да. Мои представления о том, как это должно быть, разошлись с представлениями тех людей, которые инвестируют в проект. Дибров там пока остался, а я ушел.

— Может быть, ваши представления действительно плохо соотносятся с коммерческой стороной дела?

— Ерунда. Я убежден, что сделать интересную радиостанцию вполне реально. Мы придумывали всяких штук, которые остались у меня в голове и даже осталось желание их воплотить в жизнь, но... Но, может, это и к лучшему. Потому что как бы я это успевал, учитывая и другие мои проекты, я не очень представляю. На радио же надо быть в эфире регулярно. В принципе несколько радиостанций зовут меня к себе работать. Посмотрим.

ДМИТРИЙ АСТАХОВ

